Был прекрасный июльский день...
И.С. Тургенев.

Помяните Василия Макаровича

Приближаюсь к красно-белым стенам Новодевичьего монастыря. Тихо звучат утренние колокола — привет из древней столицы.

Проходя через сквер, вижу на одном из диванчиков спящего человека. У его изголовья лежит прозрачный пакетик с ломаным хлебом. Решила подойти. Я только что с поезда. У меня есть нераспечатанная нарезка колбасы и батон хлеба. Подходила вроде бы тихо, но человек приподнял голову. Это оказался молодой парень.

— Помяните Василия Макаровича Шукшина. Сегодня у него день рождения, — говорю тихо и кладу рядом пакет с продуктами.

— Я помню, — ответил спокойно юноша, — спасибо. — И снова лег.

Странная встреча. Странная фраза. Она возникает в памяти часто, даже спустя время. «Я помню…» Немного помнящих сегодня, чаще слышишь: «А я забыл».

Мое первое знакомство с творчеством Шукшина произошло в деревенском клубе, где показывали фильм «Живет такой парень». Хотелось выдохнуть: «Ух ты! Как здорово! Как свежо, непохоже». И жили где-то рядом на Алтае и автор, и Пашка Колокольников… Это впечатление приросло к моему деревенскому детству — шестеро детей, безграмотные родители, репрессированный отец, — стало «оттепелью» в моей судьбе. Шукшин… С непричесанностью, перчинками, с кажущейся крестьянской простотой, с прямотой и силой от земли.

К могиле Василия Макаровича подхожу настороженно. Год назад я приводила сюда внучку-школьницу. Мне было стыдно за неухоженную, заросшую могилу. Какие-то дикие искусственные цветы с бусинками ягод, «полторашка» с мутной жидкостью, одноразовые мятые стаканчики. Все это в космах старой газонной травы.

…Вот арка, поворот. Да что же это такое?! Картина прежняя. Я помню чувство, которое тяготило меня целый год: «А ты почему возмущаешься? Взяла бы и убрала!» Правда, в алтайскую газету написала, в Алтайское землячество в Москве позвонила. А вот сразу убрать по-христиански могилу не решилась, подумала: может, нельзя всякому хозяйничать на таком престижном кладбище?..

Где-то жужжит триммер; прошу мужчину выкосить прошлогоднюю траву. Очищаю могилу от мусора, от выцветших на солнце искусственных цветов и уношу все в специальные контейнеры. Ставлю в черный вазон гвоздики, а у портрета в маленький стаканчик кладу пахучую полевую клубнику, купленную в дороге. Пусть птички склюют. Пощебечут.

Иду к водяной колонке, мою руки. Шум воды возвращает в обыденность. Прибралась, как в избе. Сижу долго на маленькой скамеечке.

…Слабый ветерок разносит запах ягод, оставленных у портрета Шукшина.

Туда рвется душа

Какая-то тревога, смутное чувство досады, бесполезности, что ли, толкают на порыв, на вызов. В Тулу!

Благо, сумок со мной нет, можно не заезжать распаковываться. Я не устала. Дорога меня не тяготит. Только легкое волнение в душе. На землю Льва Толстого еду впервые: всегда не хватало решимости, всегда было непопутно. Столько надо всего преодолеть. Так, впрочем, кажется, а всего-то преодолеть нужно суету и инертность. До Тулы на электричке, потом автобус № 114, и здесь уже недалеко — всего 14-15 километров — и Ясная Поляна.

Тула. Вот улица Мосина, где стоит оружейный завод. Вот центральная площадь. Защемило сердце при виде огромной стелы и памятника:1941-й год, навсегда оставшийся в бронзе. Парная скульптура советского солдата и ополченца напоминает о том, как Тула закрыла собой Москву от танковой дивизии Гудериана.

Прошу водителя тормознуть на остановке Школьная: автобус «Тула-Орел» здесь останавливается по требованию. А отсюда до музея-усадьбы надо идти пешком. И я рада: хватит времени для того, чтобы собраться с мыслями, настроиться на встречу.

А вот и Яснополянская школа имени Л. Н. Толстого. Белое аккуратное двухэтажное здание старой постройки. Школа открыта в 1928 году дочкой писателя Александрой Львовной Толстой. Здесь она была учителем и директором. Показав для убедительности железнодорожный билет с Алтая, прохожу в здание. Все говорит о том, что школа носит имя Толстого: портреты, скульптура, картины, два музея.

Спускаюсь с пригорка у школы, иду в усадьбу Ясная Поляна. Прямо у каменных ворот усадьбы когда-то проходила большая Екатерининская дорога. Ее называли Московско-Киевская «муравка», одна из главных российских дорог. Мимо ворот яснополянской усадьбы неслись ямские тройки, медленно тащились длинные обозы; здесь ездили и русские цари. Например, яснополянский ямщик вез по этой дороге Николая I. Позже большая дорога была заменена шоссе, покрытым камнем. Теперь шоссе идет параллельно со старой дорогой, но повыше, на пригорке. По «му-

равке» странники шли в Киев, в Иерусалим, в Троице-Сергиеву Лавру; шли те, кто дал обет побывать в святых местах. Зимой и летом, с посохами в руках и небольшими котомками за плечами, питаясь в пути милостынею, шли они с молитвой Христовой в неведомые доселе места.

Ходила в Киев «Богу молиться» (так это называлось в нашей семье) моя прабабушка из недалекой от Ясной Поляны калужской деревеньки. Уже затерялось во времени имя паломницы, но история с пешим ходом в Киев передавалась в семье с благодарностью. Случалось хорошее — прабабушка вымолила, случалась беда — это мы, грешники, виноваты.

Деревянный тротуар на подходе к усадьбе Толстого, видимо, временное сооружение: слева идет строительство. Из разъяснительного билборда узнаю, что строится административное здание — контора музея-усадьбы, а в двух километрах от усадьбы — развлекательный центр. Ну, куда без него… Чего стоит название воскресных мероприятий в Ясной Поляне — «Толстой-Weekend»!

Проезжая по проселкам России, смотрю окрест и думаю: насколько надо быть самодостаточным человеком, чтобы вековать в этой отдаленной глухой стороне.

…Мысленно спрашиваю себя: «Что хочу увидеть в усадьбе-музее? К чему прикоснуться?» — понимая, что все равно не объять необъятное. Вещи, рукописи писателя мне доводилось разглядывать в музее Л.Н. Толстого на Пречистенке в Хамовниках в Москве. А вот в усадьбах-заповедниках, где бывала раньше (Мелихово, Тарханы, Сростки), кроме экспонатов меня интересовали аллеи, пруды, сады — те места, где ступали «сапоги писателя».

Территория заповедника более четырехсот гектаров, всю не обойдешь. Только садов — пять. Но есть одно место, о котором думалось и мечталось с раннего детства. Помню бело-голубое раннее зимнее утро. Расписанное немыслимыми блескучими узорами окно. Медленное пробуждение с мыслью о прочитанной перед сном истории: мальчики в лесном овраге ищут «зеленую палочку», которая всем принесет счастье. И это место сейчас здесь, рядом. Вот туда и рвется душа!

От ворот, с традиционными для помещичьих усадеб того времени белыми колоннами-башнями, к Дому писателя ведет

«прешпект» — аллея белых берез с ночными фонарями. Такой почетный караул русских берез. Идти по аллее особенно волнительно: сюда стремились коляски со знаменитыми гостями — писателями, художниками, композиторами. По ней проезжали Тургенев, Чехов, Короленко, Фет, Репин, Горький. Здесь любил гулять и сам хозяин. Прогулку по парку Толстой называл «молитвой». Березовая аллея появилась в начале 1800 года, так что и сама по себе — памятник русского садового дизайна.

Жизнь любой помещичьей усадьбы не обходилась без лошадей. Напротив Дома Волконского и сегодня находится конюшня, невдалеке на лугу-поляне пасутся кони. Фотографируюсь, прислонившись к углу старой деревянной избы. Это кучерская. Она показалась мне такой теплой, исконной, бесхитростной по архитектуре, родной. Сюда темным осенним утром 28 октября 1910-го года вошел писатель, разбудил кучера и велел заложить лошадей. Впереди должен был ехать с факелом почтарь, освещая осеннюю дорогу до станции Козлова Засека…

Иду мимо старого яблоневого сада. Ясная Поляна живет прежней «живой жизнью»: здесь и сегодня несколько яблоневых садов, пасека, конюшня с лошадьми, двор с домашней птицей. Так и думается, что вот-вот покажутся за деревьями хозяева и слуги имения.

Старый Заказ — так называется один из лесов. Именно здесь, довольно далеко от Дома писателя, находится знаменитый овраг, где мальчики, братья Толстые, искали «зеленую палочку».

В лесу тихо-тихо. Вековые липы, ясени, дубы дотянулись до неба, просвечивающего в кронах редкими бело-голубыми лоскутами. Оттого все внизу, на земле кажется крошечным. И зеленый холмик могилы на краю оврага выглядит по-детски маленьким. Эта могила обескураживает: ни надписи, ни креста, ни мрамора, а все знают — здесь покоится прах великого человека. У могилы не садят цветы, к ней не приносят венки — такова воля писателя: «Убрать мое тело без заклинаний и молитв…» Шумят над могилой лишь вековые ясени. Есть предположение, что по ним и названо имение: Ясенская Поляна. А позже стали называть Ясная.

Толстой был создателем своей жизненной философии, строгой и, казалось бы, непоколебимой. Финал его жизни не разга-

дан до сих пор. Остались только догадки о тайном уходе писателя из имения, из усадьбы, где сотни лет жил один род, одна семья.

Дом сохраняется таким, каким его покинул Толстой октябрьской ночью более ста лет назад. Это единственная усадьба-музей в России, где не было капитальных реконструкций, где нет вещей «той» эпохи, собранных из частных коллекций. Все подлинное.

…Сижу на скамье у Дома писателя и не хочется уходить. Вспомнились слова Дмитрия Мережковского: «Дом его не Ясная Поляна, а вся Россия».